

М. А. Камратова

Алтайский государственный университет, Барнаул

**Тоталитарные системы прошлого и настоящего:
интертекстуальный анализ повести В. Пелевина
«Зенитные кодексы Аль-Эфесби»**

Аннотация: Статья посвящена интертекстуальному анализу повести В. Пелевина «Зенитные кодексы Аль-Эфесби». Предмет исследования – особенности тоталитарных обществ, изображенных в данной повести и произведениях, к которым она отсылает. Особое внимание уделено рассмотрению текста В. Пелевина в контексте антиутопической традиции: обнаружены и интерпретированы цитаты, реминисценции, аллюзии, связывающие повесть «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» с антиутопическими произведениями, в которых представлены различные виды тоталитарных обществ. В качестве объектов сопоставления были выбраны классические антиутопии и тексты, тяготеющие к данному жанру: «Мы» Е. Замятина, «Приглашение на казнь» В. Набокова, «1984» Дж. Оруэлла, «Стальная птица» В. Аксенова. Попытки главного героя противостоять тоталитарной идеологии Пелевин изображает, опираясь также на тексты, которые не имеют непосредственного отношения к антиутопической традиции, но помогают представить основные темы повести.

The paper is devoted to an intertextual analysis of the story Al-Efesbi's Zenithal Codes by V. Pelevin. The subject of the research is the revelation of the features of totalitarian societies depicted in the story under study and in the works to which the text sends. Particular attention is paid to the study of V. Pelevin's text in the context of the antiutopian tradition: The author of the paper has found and interpreted quotations, reminiscences, allusions, linking the story «Al-Efesbi's Zenithal Codes» with antiutopian works representing different types of totalitarian societies. Chosen as objects of comparison were the classical antiutopian texts and the texts having a bent for this genre: «We» by E. Zamyatin, «Invitation to a Beheading» by V. Nabokov, «1984» by G. Orwell, «A Steel Bird» by V. Aksenov. Pelevin depicts the protagonist's attempts to resist the totalitarian ideology, drawing also on texts that are not directly related to the antiutopian tradition, but help him introduce the main themes of the story.

Ключевые слова: аллюзия, антиутопия, тоталитарный режим, СССР, США.

Allusion, antiutopia, totalitarian regime, USSR, USA.

УДК 821.161.1

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова 66. АлтГУ, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии. Тел. (3852) 366379. E-mail: marina25.12@yandex.ru

Одно из произведений сборника Виктора Пелевина «Ананасная вода для прекрасной дамы» (2010) – повесть «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» – по своему сюжету и приемам может быть соотнесено с произведениями антиутопического жанра. Главный герой повести Савелий Скотенков имеет много общего с классическим антиутопическим героем, который противостоит всему миру, подвергает-

ся психологическому и физическому воздействию со стороны врагов и, в конечном счете, умирает или становится одним из них.

Савелий Скотенков вследствие личной неприязни к Америке занимается уничтожением американских военных беспилотных самолетов. Они падают на землю, когда в их объективы попадают специальные фразы («зенитные кодексы»), написанные Скотенковым на земле. Эти «зенитные кодексы» представляют собой гневные высказывания в адрес американцев, их образа жизни и политического устройства: «Каждый человек, живущий на земле, может на закате дней сказать, что жил не зря, если он сделал одно из трех дел – родил сына, посадил дерево или убил шортселлера ¹ с Уолл-стрит. Можно убить валютного спекулянта из лондонского Сити, и этот подвиг тоже будет зачтен Аллахом. А лучше всего лишить жизни главного финансового аналитика какого-нибудь хедж-фонда с Каймановых островов, но Аллах мало кому посылает такое утешение и награду» [Пелевин, 2011, с. 185–186].

Надписи на земле располагаются в виде треугольника, и один из соратников объясняет другому, почему из-за этих надписей падает самолет: «Лишь когда все три надписи окажутся в ее объективах, возникнет подобие Божьего ока, сквозь которое стальные птицы узреют истину, и эта истина их убьет» [Пелевин, 2011, с. 188].

Сражение главного героя с тоталитарной машиной Пелевин изображает, опираясь на идеи и метафоры Владимира Набокова. В его рассказе «Ultima Thule» ² (не имеющем отношения к антиутопической традиции) Адам Фальтер становится жертвой удара истины, но, благодаря чистой случайности, открывшаяся ему истина не убивает его. Художник Синеусов, старый знакомый Фальтера, говорит о нем: «Я вижу в нем человека, который... который... потому что его не убила бомба истины, разорвавшаяся в нем... вышел в боги!» [Набоков, 1990, с. 439].

Познав истину, герой рассказа В. Набокова становится похожим на сумасшедшего: его поведение и мысли кажутся нелогичными; в повести В. Пелевина перед гибелью летательного аппарата в системе возникает искусственный интеллект, но осознанная им истина сразу же убивает его: «По своему генезису этот интеллект был групповым и американским. Он появлялся перед гибелью каждого дрона – и именно его рождение было технической причиной катастрофы. Несколько секунд своего существования, пока «Freedom Liberator», кувыркаясь, несся к земле, этот разум невыразимо страдал от нанесенной ему несправедливой обиды» [Пелевин, 2011, с. 191].

Откровение истины в рассказе В. Набокова сравнивается также с родами: «Минуло около получаса со времени его возвращения, когда собранный сон небольшого белого дома, едва зыблившийся антикомариным крепом да ползучим цветком, был внезапно – нет, не нарушен, а разъят, расколот, взорван звуками, оставшимися незабвенными для слышавших, дорогая моя, эти звуки, эти ужасные звуки. То были не свиные вопли неженки, торопливыми злодеями убиваемого в канаве, и не рев раненого солдата, которого озверелый хирург кое-как освобождает от гигантской ноги, они были хуже, о, хуже... и если уж сравнивать, говорил потом м-сье Раон, hôtelier, то, пожалуй, они скорее всего напоминали захлебывающиеся, почти ликующие крики тяжело рожавшей женщины, но женщины с мужским голосом и с великаном во чреве» [Набоков, 1990, с. 445].

¹ Shortselling – вид биржевой спекуляции, ведущий к резким скачкам курсов акций и валют (примеч. В. Пелевина).

² Виктор Пелевин прежде уже апеллировал к сюжету этого произведения Набокова в рассказах «Ухряб», «Вести из Непала», романе «Чапаев и Пустота». См.: [Десятов 2004, с. 249, 251, 253–256].

В. Пелевин вслед за В. Набоковым использует для описания момента познания истины метафору родов: «Это были как бы принудительные роды, которые заставляли гордо летящую в небе мать рухнуть вниз, из-за чего гибло и ее только что рожденное гениальное дитя» [Пелевин, 2011, с. 191].

Савелий Скотенков тяжело переживает распад Советского Союза, хотя видел его только в раннем детстве. Американские военные психологи определяют это состояние Скотенкова как психическое расстройство: «Видимо, предположили военные психологи, крушение Империи Зла совпало для него с изгнанием из волшебного сада детства, и он склонен винить во всем Америку – в особенности ее спецслужбы. Кроме того, Америка стала для него символическим виновником тягот и скорбей взрослой жизни с ее неизбежным финалом – смертью» [Пелевин, 2011, с. 201]. Упоминание о «волшебном саду детства» снова отсылает нас к творчеству Владимира Набокова, одной из главных тем которого было воспоминание о детстве в дореволюционной России, часто сопоставляемое им с раем, а эмиграцию из России он уподоблял библейскому изгнанию из рая.

Одна из смертоносных фраз, придуманных главным героем повести Пелевина Савелием Скотенковым для уничтожения американских самолетов, гласит: «Цензура для кяфирских СМИ есть не клетка, куда их невозможно посадить, как бахвалятся язычники, а скелет, который из них невозможно вынуть» [Пелевин, 2011, с. 216]. Представление о теле как о тюрьме («клетке костяной», как говорится, например, в пьесе «Изобретение Вальса») характерно для художественного мира В. Набокова. В рассказе «Ultima Thule» осознание истины Фальтером сопровождается некоторыми физическими изменениями: «Странная, противная перемена произошла во всей его внешности, казалось, из него вынули костяк» [Набоков, 1990, с. 446]. Истина освободила героя от тюрьмы – костяной клетки.

Многие исследователи относят к числу антиутопий роман В. Набокова «Приглашение на казнь» (1936). Главному герою этого романа Цинциннату объявлен смертный приговор за то, что он непрозрачен в совершенно прозрачном мире. Цинциннат – герой, который не вписывается в окружающую его действительность и испытывает давление со стороны общества. Он страдает от заточения в тюрьму и от скованности собственным телом, которое не дает ему возможности освободиться от окружающего несовершенного мира: «Был он очень худ, – и сейчас, при закатном свете, подчеркивавшим тени ребер, самое строение его грудной клетки казалось успехом мимикрии, ибо оно выражало решетчатую сущность его среды, его темницы» [Набоков, 1990, с. 38].

Метафора «скелета-клетки» есть и в романе-антиутопии Е. Замятина «Мы» (1922). Д-503, главный герой романа, почувствовав себя несвободным в искусственном, машинном мире, начинает воспринимать свое собственное тело как клетку: «Странное ощущение: я чувствовал ребра – это какие-то железные прутья и мешают – положительно мешают сердцу, тесно, не хватает места» [Замятин, 1990, с. 53].

В романе Т. Харриса «Молчание ягнят» (1988), отсылка к которому присутствует в тексте повести В. Пелевина «Зенитные кодексы Аль-Эфесби»¹, решетчатая камера заключенного Ганнибала Лектера сравнивается со скелетом человека: «These white bars ribbed the walls. <...> He lives down in a ribcage in the dry leaves of a heart»² [Harris, 1991, p. 240].

¹ В ней упоминается фильм «Serenity of the Sirins»: «картина рассказывает про банду русских педофилов, терроризирующих маленький городок на Среднем Западе» [Пелевин, 2011, с. 210]; этот фильм одновременно отсылает и к книге Т. Харриса «Молчание ягнят» («Silence of the lambs»), и к автору «Лолиты» В. Набокову, который в ранний период своего творчества использовал псевдоним Сирин.

² В русском переводе: «Прутья камеры резко выделялись на белом фоне стен, словно ребра на рентгеновском снимке грудной клетки» [Харрис, 1993, с. 244].

Пелевинского Скотенкова, как классического антиутопического героя, подвергают операции, которая должна изменить его личность: «Меня введут в маленькую комнату с лицемерным красным крестом на дверях и усадят на железный стул, стоящий среди сложнейших медицинских приборов. Затем с моих глаз снимут повязку. Следователь сказал, что моя личность останется прежней, но способность логически мыслить будет «модифицирована». Кроме того, исчезнет мое, как он выразился, «недоверие к ближним». Причем исчезнет до такой степени, что с меня навсегда снимут оковы.

Операция будет простой – к моим вискам и темени подведут электроды, и несколько раз щелкнет разряд, поражая выбранные с микроскопической точностью узлы моего мозга. Я ничего не почувствую, но стану другим человеком» [Пелевин, 2011, с. 232–233]. Такой способ подчинения воли людей напоминает «Великую операцию» в романе Е. Замятина «Мы», после которой люди становятся послушными рабами Единого Государства.

В «Мы» Замятина, в «Приглашении на казнь» Набокова и в антиутопии Дж. Оруэлла «1984» (1948) уничтожение инакомыслящего – не самое главное, важнее заставить перейти его на свою сторону, уподобить его себе. В романе «1984» сделать врага своим другом необходимо прежде, чем физически уничтожить его: «Прежде чем мы убьем инакомыслящего, он должен стать одним из нас» [Оруэлл, 1989, с. 187]. В повести В. Пелевина «казнь» для героя и становится переход в лагерь врага: «Следователь прав, аль-америки не будут мне мстить. Они просто примут меня в свое племя» [Пелевин, 2011, с. 234]. Герой Е. Замятина Д-503 после «Великой операции» становится подобным своим бывшим врагам.

Глава повести В. Пелевина «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» под названием «Советский реквием» рассказывает о пребывании бывшего сотрудника российской внешней разведки Савелия Скотенкова в тюрьме ЦРУ. Приписываемый Скотенкову рассказ «Советский реквием» в тексте повести В. Пелевина назван фальшивкой ЦРУ, подражающей «Немецкому Реквиему» (1949) Х.Л. Борхеса. Этот реально существующий рассказ Х.Л. Борхеса представляет собой воспоминания немецкого военного, осужденного за нацистские преступления во время Второй мировой войны.

Ожидая казни, Отто Дитрих цур Линде, герой рассказа Х. Л. Борхеса, вспоминает своих героических предков, осмысливает свою жизнь и делает прогнозы на будущее человечества. Савелий Скотенков, находясь в тюрьме, тоже вспоминает своих предков (но значительно шире: предков своего биологического вида), свое детство, анализирует прошлое (жизнь в Советском Союзе шестидесятых годов), настоящее и прогнозирует развитие человеческого рода.

Несмотря на то, что эти герои похожи складом ума и финалами жизней, они различаются в главном. Отто Дитрих – нацист, который с помощью особых психологических приемов убил пленника концлагеря. Про Савелия Скотенкова говорится, что он не был даже националистом.

Герой Борхеса, воздействуя на психику заключенного поэта Давида Иерусалема, доводит его до сумасшествия и самоубийства: «Я давно понял, что адом может стать все: лицо, слово, компас, марка сигарет в состоянии свести с ума, если нет сил вычеркнуть их из памяти. Разве не безумен тот, кто днем и ночью видит перед собой карту Венгрии? Я применил этот принцип к дисциплинарному режиму в нашем лагере и... К концу 1942 года Иерусалем сошел с ума, первого марта 1943-го он покончил с собой» [Борхес, 1994, с. 472].

Для обезвреживания Скотенкова американские военные применяют похожий прием: «Эксперты решили – самой эффективной стратегией будет постоянно напоминать Аль-Эфесби о том, что он хочет вытеснить из своего сознания, а именно: он не благородный воин пустыни, а командировочный из клептократии, где у человека, если он не вор или чиновник, меньше реальных прав, чем у белочки или кабана в европейском лесу. Кроме того, предполагалось использовать те оче-

видные изъяны в психике Скотенкова, о которых свидетельствовали его творческие опыты. <...> В результате были разработаны своего рода «антикодексы Аль-Эфесби» – боевой ударно-психологический комплект, основанный на русском фольклоре и тщательно продуманных визуальных образах, которые, как полагали разработчики, должны были задействовать главные тормозные доминанты российского сознания на метакультурном, социально-бытовом и мистическом уровне. <...> В идеале Аль-Эфесби должен был сойти с ума» [Пелевин, 2011, с. 202–204].

Сходство персонажей заметно и на творческом уровне: герой Борхеса – известный поэт, а герой Пелевина создает тексты, обладающие “магической” силой. Кроме того, Давид Иерусалем – еврей с характерной топонимической фамилией; сравним уподобление пелевинского героя: «Скотенков въехал на своем осле в Кандагар, как когда-то Иисус в Иерусалим» [Пелевин, 2011, с. 177].

Отто Дитрих, уже находясь под следствием, вспоминает эйфорию от первых побед Германии во Второй мировой войне, и нацистская Германия кажется ему потерянным раем: «Может быть, я просто никогда не знал настоящего счастья, а бедам, как известно, нужен потерянный рай» [Борхес, 1994, с. 473]. Савелий Скотенков считает потерянным раем Советский Союз, который, как и Германия, был государством с тоталитарным режимом и жесткой идеологией.

Еще одна литературная реминисценция в пелевинском тексте – аллюзия на повесть В. Аксенова «Стальная птица» (1965), в которой автор критикует всевозможные утопические идеи и советскую систему в целом. Главный герой «Стальной птицы» – Вениамин Попенков – удивительное существо, сочетающее в себе качества человека, птицы и самолета истребителя-перехватчика: «...Нельзя ли предположить, что мы имеем дело с совершенно новым видом, с уникальным сочетанием органической и неорганической природы, нельзя ли предположить, что мы в данном случае являемся первооткрывателями, нельзя ли предположить, что мы имеем дело со стальной птицей?» [Аксенов, 2002, с. 607].

Фамилия главного героя повести «Стальная птица» – Попенков – созвучна фамилии героя повести В. Пелевина – Скотенков. В начале повести Вениамин Попенков его будущий сосед Фучинян называет «крысенышем»: «Вот крысеныш, сказал он. – Был бы котом, слопал бы – и дело с концом» [Аксенов, 2002, с. 570]. Американские спецслужбы дают Скотенкову кличку «крысолов»: «Мне рассказали, что в донесениях кабульской станции ЦРУ мне была присвоена кличка «крысолов». Можно было бы считать это фрейдистской оговоркой моих вчерашних врагов, не поймай они меня самого, как крысу» [Пелевин, 2011, с. 232].

Савелий Скотенков сбивает американские самолеты (называемые в повести «стальными птицами» [Пелевин, 2011, с. 188]) с помощью «зенитных кодексов», а Вениамин Попенков («стальную птицу») мечтает сбить его соседи по дому: «Несколько раз им казалось, что над ними, застилая звезды, с тихим реактивным свистом проносится какое-то темное тело, и они тогда жалели, что не располагают зенитной установкой» [Аксенов, 2002, с. 632]. Попенков и сам владеет снайперским искусством: на его пиджаке управдом Николаев замечает значок «Ворошиловский стрелок», которым награждали в СССР за особое стрелковое мастерство.

Важное отличие произведения В. Пелевина от классических антиутопий состоит в том, что в повести «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» прототипом антиутопического государства оказывается не коммунистический Советский Союз, а капиталистические Соединенные Штаты Америки. Это, возможно, единственное произведение с чертами антиутопии, в котором Советский Союз представлен как потерянный рай. Соответственно сотрудник федеральной службы безопасности (наследующей советскому комитету госбезопасности) оказывается не палачом, а борцом с новой тоталитарной системой и, в конечном счете, ее жертвой.

Литература

- Аксенов В. Стальная птица // Антология Сатиры и Юмора России XX века. М., 2002. Т. 21.
- Борхес Х. Л. Немецкий реквием // Борхес Х. Л. Соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 1.
- Десятов В. В. Набоков и русские постмодернисты. Барнаул, 2004.
- Замятин Е. Избранные произведения. М., 1990.
- Набоков В. В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 4.
- Оруэлл Дж. 1984 и эссе разных лет. М., 1989.
- Пелевин В. Ананасная вода для прекрасной дамы. М., 2011.
- Харрис Т. Молчание ягнят / Пер. с англ. И. Бессмертной, И. Данилова. М., 1993.
- Harris T. Silence of the lambs. St. Martin's Press, 1991.